

политизированность, большая устойчивость регионального социально-политического пространства. В масштабе региона наблюдается некоторое смещение эффективности воздействия различных средств массовой информации по сравнению с избирательными кампаниями федерального масштаба. Если в центре основным каналом информационного воздействия является телевидение, то на региональном и местном уровнях приоритет отдается газетным публикациям, встречам с избирателями. Определенная замкнутость регионального политического пространства обуславливает приоритет деятельных, а не рекламных методов создания и поддержания имиджа политического деятеля.

УДК 316.728

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А. В. Заикина

Саратовская государственная академия права,
кафедра социологии политики и права
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются социологические аспекты воспроизводства культурного наследия прошлого в условиях радикальных перемен в обществе. Развивая культурологические идеи о том, что каждая стадия социального развития общества вырастает из более ранней культурной ситуации, автор показывает созидательную, а нередко разрушительную роль экономических, технических инноваций, которые входят в практику вопреки устойчивым характеристикам культуры разных поколений. В то же время, доказывает автор, социальный порядок, подорванный неграмотными действиями органов управления, стремится к восстановлению за счет саморазвития культуры широких слоев населения.

Ключевые слова: культура, преемственность, признание.

Contradictions in the Continuity of the Culture of Russian Society

A. V. Zaikina

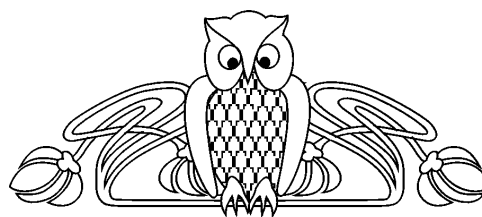
The article considers the sociological aspects of the past cultural inheritance reproduction in the circumstances of radical social changes. Developing the idea that each stage of social development results from the earlier one the author shows both the creative and the destructive roles of economic and technical innovations that come into practice regardless of the taking place at different times cultural settled characteristics. At the same time the author proves that the social practice changed by unreasonable administration tends to be restored by the population self-development.

Key words: culture, hereditary, acknowledgement.

Преемственность культуры проявляется как в рамках глубокой ретроспективы, так и относительно короткого исторического времени при сосуществовании отцов и детей, т.е. в межпоколенческой организации. Это важная проблема общественной

Примечания

- ¹ Социологическое исследование «СМИ в Саратове: социально-политический ракурс» было проведено в ЦРСИ СГУ в 2007 г. В опросе участвовало население города Саратова в возрасте от 16 лет и старше. Выборка кратно-стратифицированная (по параметрам: возраст, пол, район проживания), репрезентирующая население нашего города (мини-модель населения г. Саратова). Размер выборки составил 602 респондента.
- ² Цит. по: *Лугачев В.П.* Выборы: общая теория в российских иллюстрациях // Вестн. МГУ. Сер. 12. 1997. № 4. С. 14.
- ³ Вспоминая год ушедший: россияне о наиболее значимых событиях и перспективах: Пресс-выпуск ВЦИОМ. М., 2003. №48 (www.wciom.com).

жизни, о которой много написано философами, социологами; она являлась непреложной темой художественной литературы и искусства. Особо данная тема преломляется в общественном сознании в условиях радикальных перемен.

Речь здесь идет не о разной информированности или уровне профессионализма сравниваемых социально-демографических групп, одна из которых обгоняет другую в овладении наукой, техникой и новыми технологиями. Гораздо сложнее проблема преемственности в нравственной культуре, в смысложизненных ценностях, в этосе целых социальных классов. В то же время этот вид преемственности имеет кардинальное, «осевое» значение для духовного здоровья любого социума.

М. Оссовская в книге «Рыцарь и буржуа» осуществила историко-социологический анализ преемственности культур крупных социальных групп и классов. Хотя она и пользуется психологическими терминами, например, «подражание», но гораздо большие объемы доводов и аргументов строятся на анализе детерминаций социально-экономического и социологического характера, т.е. общественных условий формирования разных типов человека.

Рыцарь и буржуа¹ выступают собирательными образами олицетворения социальных качеств личности, которые М. Оссовская обнаруживает у жителей Древней Греции и германцев в Средние века, в Новое и Новейшее время, вплоть до Второй мировой войны. В русском языке термин «мещане», заменяя западный «буржуа», позволяет более

широко применять его к анализу состояния этоса массовых слоев разных исторических эпох.

Рыцарь и буржуа как идеальные (в веберинском смысле) типы контрастируют друг с другом. Первый «по праву гордый» руководствуется нормами, обязательными и в военное, и в мирное время. Он смело идет навстречу опасностям, способен забывать об оказанных кому-то услугах и причиненных ему обидах, не выказывает свою силу на немощных (это черта плебейства), но зато держится величаво с людьми высокопоставленными².

Моральные воззрения (нравственная культура) различных аристократических групп (средневековых баронов, рыцарства, крупного дворянства и т.д.) удерживали общее: демонстрировали культуру добродетелей, свойственных людям, убежденным в собственном превосходстве (великодушные, опекунское отношение к слабым и т.д.), которым, в свою очередь, был чужд моральный ригоризм, понятия греховности и смирения, несовместимые с достоинством знати.

Для анализа действующей морали больше всего подходит традиционное понятие «этос», схватывающее очень широкий круг и оценок, и поведения, и обоснования того, почему в такой-то период истории у такой-то социальной группы преобладают определенные, специфические черты социальной биографии и реагирования на значимые события.

Понимание преемственности в области экономической культуры строится на разных, в конечном счете противоположных основаниях. Формационный подход предполагает, что смена стадий происходит путем разрешения противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Поскольку материальные преобразования первичны, обуславливают духовные отношения, то детерминацию следует искать, конечно же, не в культуре. Противоположный этому подход, наоборот, развитие универсальной истории, т.е. любых достижений в труде, череду войн и революций, связывает исключительно с культурой, точнее определенным набором символов и смыслов, которым во все времена, с глубокой древности и до сих пор, акторы придают особое значение. Как считает Ф. Фукуяма, хотя ученые-экономисты согласны, что на культуру как фактор эффективности экономики приходится процентов 20, на самом деле именно наличие или отсутствие у нации таких качеств, как коллективизм и доверие, очень существенно корректирует структуры хозяйствования. Там, где эти качества не развиты, не складываются крупные, наиболее эффективные компании, и страна оказывается на третьеразрядной позиции³.

Современные исследователи человеческих отношений в организациях наделяют людей потребностью властвовать, что в аспекте преемственности культуры имеет определенное значение⁴. На наш взгляд, феномен власти имеет

отношение не только к положению человека в системе «руководитель – подчиненный», но и в более широком контексте – с позиции потребности человека в признании. Гегель рассматривал это понятие в аспекте взаимоотношения господина и раба. В борьбе за признание один становился победителем, другому представлялся выбор: либо погибнуть, но не потерять свободу, либо, если сохранение жизни было предпочтительнее, стать рабом. Господин-победитель больше не нуждался в признании со стороны побежденного, ибо последний не может претендовать на роль достойного человека.

Как пишет Ф. Фукуяма, многие явления универсальной истории, в том числе и экономики, логично объясняются через стремление к признанию. Например, французские крестьяне, жившие намного лучше, чем аналогичный класс в соседних странах, тем не менее, активно включился во Французскую революцию 1776 года. Экономических предпосылок для такого поведения не было, но было осознание своего социального неравенства с другими слоями общества, или непризнания, что и подвигнуло их на борьбу.

Через понятие «признание» можно объяснить многие парадоксы функционирования российской экономики. Например, нескромность поведения нуворишей у себя на родине и особенно за рубежом.

Навешивание на своих жен, а нередко собак и кошек, бриллиантов, строительство коттеджей вычурной архитектуры, обнесение их шестиметровыми заборами, частая замена сверхдорогих автомобилей и т.п. – все это демонстрация того, что субъект «достоин» признания. И когда сограждане, живущие бедно или за чертой бедности, восклицают «я не понимаю», то им следует иметь в виду, что их оценка вписывается в логику отношений, подмеченных Гегелем, т.е. «господин–раб». У богачей и сверхбогачей свой круг, у которого они домогаются признания, поэтому сколько бы людей не демонстрировали свое несогласие с нерациональностью приобретения самых дорогих дворцов и яхт русскими магнатами, с позиции последних наоборот они ведут себя исключительно разумно.

Обратим внимание еще на два аспекта понимания признания. Во-первых, оно бывает либо с ориентацией на равенство с другими людьми (изотимия), либо стремлением быть высшим по отношению к другим (мегалотимия). Во-вторых, соискание признания всегда бывает обставлено особой технологией, когда подлинными интересами скрыты за всевозможными идеологемами. Это особенно ярко проявляется в формах протестного поведения людей: хотя в основе их борьбы лежит ущемление признания, но лозунги включают иные мотивы: вытеснение из города рейдеров, поддержка или критика действий официальной власти и т.п. Рассмотрим эти аспекты более подробно с позиции преемственности. Если посчитать признание универсальным качеством

человека, то многие из современных российских практик экономического поведения людей получают иное объяснение. В оценках трудовой активности индивидов сегодня закрепился ряд стереотипов, главный из них сводится к тому, что в российской среде сознание не отягощено нормами протестантской этики. Отсюда нет в отношении к труду должной «священности», т.е. для россиянина понятие «добросовестный, кропотливый, упорный труд» как основа богоугодного поведения – пустой звук. Вероятно, это действительно так, исключая индивидов, придерживающихся веры ислама, в которой трудовая этика поддерживается не менее сильно, чем в протестантизме.

В то же время исследователи констатируют, что протестантская этика уже отработала свой потенциал. Даниел Белл увидел следующую динамику угасания протестантской этики. «В последние 50 лет размывание религиозной этики и повышение доходов привели к тому, что инициатива общественных преобразований перешла к культуре, а экономика переустроилась на удовлетворение этих новых потребностей. Когда протестантская этика перестала быть основой буржуазного общества, остался только гедонизм, а капиталистическая система утратила свою трансцендентальную этику. Культурным, если не моральным, обоснованием капитализма стал гедонизм, концепция удовольствия как образа жизни»⁵. Но и это уже вчерашний день западного мира: ибо особая божественность и буржуазность соединились, образуя так называемый креативный класс людей, одержимых свободой и творчеством.

Социоструктурный раскол западного общества идет по более глубинным основаниям: креативным и традиционным. Экономике будущего соответствует первый тип, ибо из него работодателю удастся лучше выжимать «соки». «Никто не бежит за нами с пистолетом, а мы трудимся по 12 часов в сутки» – так говорят о себе эти люди. В таких людях, стремящихся к разнообразию, к индивидуальной свободе, тех, кто в профессиональном труде исповедует принцип добровольцев, капитализм, который зря денег не тратит, увидел большой потенциал, чем у простых трудолюбивых. Он простил и даже поддерживает их экстравагантность, обеспечивает их специальными льготами: бесплатная еда – 50 % практикует фирм США, билеты на спортивные мероприятия

или спектакли – 50%, услуги химчистки – 31%, оплачивание декретного отпуска – 19%, бесплатный массаж – 15%.

Еще более экстравагантно выглядит следующее «вспомоществование»:

3500 компаний (включая 100 самых крупных) и три автомобильных (Форд, Крайслер, Дженерал Моторс) обеспечивают медицинскую страховку и другие льготы партнерам сотрудников-геев⁶.

Социальный порядок, однажды подорванный военными, политическими или экономическими факторами, стремится к восстановлению, часто независимо от воли власти или вопреки ей. Первопричиной этого является стремление людей к удовлетворению хотя бы минимума потребностей, среди которых не последнее место занимают духовные потребности, стремление к творчеству.

Удивительным в этом аспекте оказался социальный эксперимент, проводимый в СССР над учеными и конструкторами, изобретателями отечественных самолетов. Если в зарубежных практиках проектировщиков собирали вместе, создавая комфортные условия для жизни и работы, чтобы получить эффект от мозговых атак свободных людей, то в нашей стране аналогичный эффект получали в «шарашках».

Так, 30 ноября 1929 г. всех специалистов, которых предварительно обвинили во вредительстве и арестовали, свезли в Бутырскую тюрьму, где было создано Особое конструкторское бюро. К апрелю следующего года не только было разработано в чертежах, но и создано несколько истребителей под шифром ВТ-12 (что означало «внутренняя тюрьма, вариант-12»).

Один из вариантов был запущен в серию. Ударные темпы создания самолета так понравились руководству ОГПУ, что оно приняло меры (опять-таки за счет огульного обвинения), чтобы увеличить контингент заключенных изобретателей и поставить цель: за три недели создать штурмовик, что опять было выполнено. После этого ряд инженеров и техников были освобождены, но остались работать в тюремном КБ в качестве вольнонаемных⁷.

В этой связи структурирование социальной преемственности можно привести в терминах: «последовательность», «протяженность», «обратимость – необратимость» (рисунок).

Последовательность выражает упорядоченность событий, имеющих смысловую жизненный

смысл и ценность для индивидов, что особенно ярко проявляется в транзитивном обществе. Доминирующая идея младореформаторов выбить «последний кирпич» из фундамента реального социализма привела к огромному числу акций и действий непоследовательности. Например, была ликвидирована потребительская кооперация, являющаяся пусть невидимым, но все же реальным институтом народной самодеятельности. Элеваторы проданы за бесценок в частные руки и превратились в склады не зернового фонда, а так называемого «ширпотреб», между тем фермеры и коллективные хозяйства из-за дороговизны перестали ими пользоваться и вынуждены были вкладывать средства в создание собственных зернохранилищ.

Оппозиция обратимость–необратимость не является чисто субъективным феноменом, дело не только в возможных усилиях определенных слоев общества по реставрации прошлого, в целях возврата позиций, потерянных в результате передела ограниченных ресурсов. При несоблюдении последовательности введения новаций нарушается онтологический, бытийный порядок, который имеет свойство восстанавливаться.

Трудно говорить о какой-то последовательности и действиях социума, которые оказались направленными против человека по широкому кругу полей реализации насущных потребностей: уравнивание пенсионного обеспечения заслуженного человека и никогда не работавшего, лишение матерей пособий на новорожденного, введение платных детских садов и т.д. Понятно, что и у индивидов, переживающих включенность в такие процессы, не могло быть последовательности в освоении реалий, не случайно в социологической литературе того времени появилось понятие «потеря биографии», смысл которого сводится к фиксации нарушения устоявшихся этапов становления личности в стабильном обществе. Лишь очень небольшая доля среди социальных групп, в основном включенных в отношения распределения различных благ в советском обществе, сумела оценить и использовать возможности нового режима для плодотворного выстраивания жизненной стратегии, хотя и она не была избавлена от неопределенности, наступления непредсказуемых событий. Например, происходил, что, впрочем, не устранено до сих пор, насильственный захват заводов и фабрик конкурирующими совладельцами. В последние годы функцию взрыва порядка осуществляет институт рейдерства.

Следующим блоком в социокультурной преемственности является протяженность, понимаемая как продолжительность существования нового в традиционном и традиционного в новом. Более детально протяженность описывается такими терминами, как непрерывность, относительность, продолжительность, длительность, темп и ритм. Каждый из этих терминов специфично атрибутирует динамику протяженности социаль-

ных процессов, что относится и к социуму, и к социальной группе, и к отдельному индивиду.

Российские практики трансформации изобилуют фактами причудливого сочетания в протяженности таких явлений, как нарушение непрерывности, неоправданной длительности, замедления или чрезмерного усиления темпов и ритмов. Так, вместо колхозов и совхозов возникли не капиталистические предприятия, а симбиозы, в которых сочетались квазикапиталистические, коллективно-кооперативное и социалистические начала⁸. Процесс освоения ими рыночных отношений затянулся на срок более 10 лет: таковы темпы, которые обусловлены не только одной аграрной политикой, но и культурой сельского населения и менеджмента, зависимых друг от друга. В таких же терминах можно описать и протяженность процесса преемственности в жизнедеятельности отдельного индивида. Инженер, вынужденный после потери места работы по специальности торговать болтами и шайбами, изготовленными на своем родном заводе, остро ощущает потерю привычного жизненного режима и неоправданную длительность отстранения от его подлинного признания.

Таким образом, ситуации социетального характера достаточно жестко вмешиваются в процессы преемственности, прежде всего социальных отношений, традиционного и нового, заставляя человека принимать непривычные, порой противоречащие его нравственной культуре формальные и неформальные нормы, культурные образцы и стандарты поведения. Меняется ли культура синхронно этим переменам? Хотя социологические исследования фиксируют утрату многих ценностей, особенно молодежью, вероятно, еще рано говорить о сдаче культурой своих позиций. Общественная культура, усвоенная в более ранние временные сроки, продолжает жизнь, и в изменившихся условиях и с учетом этого аспекта преемственности социум всегда лучше того образа, которым его наделяют деятели средств массовой коммуникации, которые под свои цели (часто заказ рекламодателей) что-то завышают или занижают.

Смена поколений в российском обществе в течение XX в. прервала историческую память о капиталистических отношениях. Конечно, обмен меновыми ценностями сохранился, и к 80-м годам он приобрел значительные масштабы, но он носил нелегитимный и нелегальный характер. Переход к отношениям, характерным капиталистическому обществу, не может не вызвать и соответствующих изменений в его культуре. М. Вебер убедительно доказал, что рационализация – это всемирно-исторический процесс, который сводится к замене внутренней приверженности привычным нравам и обычаям планомерным приспособлением к соображениям интереса. Кроме того, происходит вытеснение ценностно-рационального поведения в пользу целерационального, при котором люди

верят не в ценности, а в успех. Коль скоро индивиды постигли такой стиль и смысл поведения, они через изменившийся подход рационализируют способы ведения хозяйства, управления, причем во всех сферах социальной жизни. Поведение индивида в экономической сфере – наиболее «чистый» вариант целерационального действия. Но не избежала этого и культура, где рациональность обернулась, по словам Вебера, «технобюрократическим, механическим катком и умалением духа». В целом европейский капитализм – это образ жизни, имеющий свою нравственную ценность, «образ мышления», корни которого уходят в европейскую античность. К этому нужно добавить влияние протестантской этики, где совпали дух капитализма и дух протестантизма, что способствовало развитию буржуазного начала в обществе.

Российское начало буржуазности по определению не имеет никакого отношения к протестантской этике и очень слабо связано с православием. Оно вытекает в основном из культуры и социальности советского характера и некоторых черт национальной ментальности.

В 1884 г. Николай Лесков написал большой рассказ «Неразменный рубль»⁹, в котором рассмотрел механизм обмена благами в тогдашней России, – стране, где начинали складываться капиталистические отношения. Опуская подробное описание эпизодов, рассмотрим, как обман и «честное» взаимодействие присутствовали в каждой финансовой сделке, что понимали все участники и даже способствовали этому. Итак, чтобы продать за хорошую цену зерно, представитель благородного класса – помещик нанимает сельских женщин для подбора самых крупных зерен. Они работают очень долго, но барину не накладно, так как бабы зимой «очень дешевы». Затем он везет пробы пшеницы, крупные, как миндаль, а торговую выставку, где с учетом продажности чиновников получает все нужные документы, подтверждающие, что у него все зерно именно такое элитное. Покупатели-иностранцы дают самую высокую цену, но барин продает подешевле, но русскому купцу. Объяснение для «пиарщиков» – патриотизм, об отечестве пекусь, мол. Предоплата произведена на строгой правовой основе.

Когда приказчик купца приезжает забирать купленный товар, то оказывается в амбарах вовсе не элитное, а обыкновенное, даже плохое зерно. Чтобы стал делать иностранный покупатель в такой ситуации? Стал бы отстаивать свои интересы в суде, чего не делает русский купец. Больше того, смекнув, что его надули, он не только не обижается, но вступает в новую игру, которую ему предложил барин, т.е. последний увеличивает количество проданных пудов по принципу гоголевских мертвых душ. (Интересно, что купец моментально схватывает смысл «мертвых» пудов, хотя Гоголя он никогда не читал.) Мешки с зерном

дополняются еще мешками с мякиной, сором, землей и отправляются на баржу, которая повезет «отборное» зерно в порт для продажи иностранному покупателю. Барин выходит из игры, а купец продолжает ее, но с твердой уверенностью, что он получит свой барыш, потому что юридически все оформляется безукоризненно, т.е. баржа с «отборным» зерном застрахована.

Далее в игру вступает лоцман, который ведет караван барж по реке, но за соответствующую мзду организует потопление одной, как раз той, на которую погружено «отборное» зерно. При этом баржа потонула ни где попало, а против села, в котором недавно произошел пожар, и крестьяне нуждались в денежных средствах, чтобы вновь возвести избы. Короче говоря, теперь в игру вступают мужики, которые наняты, чтоб достать мешки со дна реки. Работа идет долго, но экономически достаточно эффективно, свидетельство чему то, что вскоре бывшие погорельцы переселились в свежесрубленные избы.

Игра завершена, в ней выиграли все участники, причем как сказал бы современный российский предприниматель, справедливость по понятиям соблюдена. Есть и потерпевшая сторона, это страховая компания, но о ней никто и не вспомнил. Да и потерпела ли она ущерб, ведь в ее фондовом капитале большая доля принадлежит государству.

Все это описывал «прозванный гений», как называли современники Н. С. Лескова, 120 лет тому назад, в то время, когда российский капитализм захватывал в свои сети все слои русского общества. Здесь лишь на первый взгляд описано поведение отдельных мошенников. В реальности все общество начинающегося капитализма могло действовать только так, т.е. по обычаю, рассматривая официальные институты как ограничителей или наоборот «поощрителей» тех или иных аспектов игры в обмене благами. Но самое главное – в такой игре государство, его расходы рассматриваются как неиссякаемое золотое дно, из которого могут и должны черпать все, у кого есть голова на плечах, т.е. искать любую лазейку, чтобы «законно» переливать казенное в частное. Изменилось ли что-нибудь в таком механизме, когда общество вновь вернулось к установлению рыночных отношений? Казалось бы, что должно измениться, ведь более 60 лет власть, идеология и культура насаждали совсем другие идеалы, в которых не было места стяжательству, корысти, обогащению. В реальности картина экономической жизни получилась почти идентичная той, что складывалось в России 120 лет тому назад.

Когда президент перед элитой общества восклицает: «Просто ужас, насколько велика у нас коррупция!», то это не следует интерпретировать так, будто бюрократия, ответственная за разные сферы общества, только и делает, что принимает взятки. Смысл в другом: экономические отношения большинством их участников рассма-

триваются с той же позиции, что и 120 лет тому назад, т.е. как легитимно (не воруя!) перевести государственные финансовые ресурсы в частную собственность и даже сложилось понятие «пилить бюджет». Способов для этого бесчисленное множество, но описание их – дело криминалистов и не входит в нашу задачу.

Главный вывод из сказанного с точки зрения преемственности культуры сводится к тому, что институты упорядочения обмена благами, не вызревшие в практиках общества, а привнесенные извне, долгое время не принимаются индивидами как нечто органичное. Именно поэтому такие очевидные формы регулирования отношений, как защита интересов в судах, (гражданских дел, например), судах чести в корпорациях и сообществах, имеющих профессиональные кодексы, и даже посредством института дуэли, (который долго действовал, несмотря на запрет), когда цена достоинства личности в обществе была высокой, ныне большая редкость¹⁰.

Итак, концепт преемственности культуры включает в себе несколько методологических аспектов, которые необходимо учитывать при социологическом анализе. Удержание элементов прошлого в настоящем – атрибутивное качество эволюции сложных систем.

Какие бы новации не происходили, одновременно с ними функционируют, проявляют себя более ранние социокультурные образования – непосредственно или приняв некую измененную форму (старое в новой упаковке). Определенную часть этого старого-нового те или иные слои общества стремятся изжить, вытеснить, уничтожить, что порой и достигается в основном посредством уничтожения наиболее активных его носителей. Подобное наиболее ярко проявляется при смене элит, после революций или радикальных реформ. Однако старое не только принимает новую упаковку, чтобы остаться в новом, но иногда «затаивается» в чужеродной среде, возвращаясь в среду родную при изменившихся условиях.

Не менее сложно протекает этот процесс в индивидуальной культуре. Освоение (понимание) ценностей культуры помогает подняться над суетным бытием, чему способствует живое переживание, конструирование жизни по ценностям Абсолюта, стремление иметь жизненную стратегию возвышения человека над самим собой, самоопределение в ценностном поле¹¹.

К использованию всего культурного багажа, накопленного человечеством, а значит и преемственности культуры, подталкивает склонность человека к созерцанию, которое имеет познавательный, культурный и креативный смысл. В реальной жизни, наполненной заботами о хлебе насущном, здоровье своем и своих близких,

далеко не всегда находится место для выхода в иное измерение бытия. В то же время люди в большинстве своем не могут обойтись без этого. Помимо витальных потребностей у них есть экзистенциальные потребности – осмыслить свою жизнь под углом зрения своей же вечности. Это подталкивает к поиску основ понимания и конструирования своей позиции на фоне противоречий повседневного бытия, хаоса и дисгармонии, которые невозможно обойти.

Понимание собственного мира достигается с помощью интроспекции, т.е. путем «вживания», «сопереживания», что делается прежде всего по отношению к культуре прошлого. Чуткость к следам ушедшего и, возможно, даже использование в своих оценках прошлых образцов – залог того, что в культуре сегодняшнего дня живет культура прошлого, т.е. она является такой же современной, как и та, что создается на глазах поколения.

Примечания

- 1 По В. Далю, «буржуазия» определяется как «мещане, мещанство, горожане, среднее сословие, обыватели, торговый и ремесленный люд». (*Даль В.И.* Толковый словарь: В 4 т. М., 1981. Т. 1. С. 143). Как видно из приведенного текста, термин «буржуа» тождествен термину «мещане» не в смысле наделяния людей отрицательными чертами, используемыми в идеологической риторике, чтобы противопоставить «чистой и возвышенной» пролетарской морали, а как ряд сословий, отличающихся от аристократических слоев.
- 2 См.: *Аристотель*. Соч.: В 4 т. М., 1984. Т.4.
- 3 См.: *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. Ф. Фукуяма. М., 2004. С. 31.
- 4 См.: *Mc Clelland D.* Power: The Inner Experience. N.Y., 1975.
- 5 *Белл Д.* Контркультура капитализма. Нью-Йорк, 1976. С. 21–22.
- 6 См.: *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2005. С. 151.
- 7 См.: *Стрекопытов С.П.* История научно-технических учреждений в России (вторая половина XIX – XX вв.) М., 2002. С. 239–240.
- 8 См.: *Пацюрковский В.В.* Сельская Россия: 1991–2001 гг. М., 2006. С. 78–92.
- 9 См.: *Лесков Н.С.* Леди Макбет Мценского уезда. Повести и рассказы. М., 2007. С. 592–621.
- 10 Автор, разумеется, не ставит цели агитации за введение института дуэлей, лишь обращая внимание на сам факт их отсутствия (ведь они имели место в обществе, которому не было чуждо благородство. П.А. Столыпин прямо с трибуны вызывал обидчика на дуэль. Защита чести этим способом была распространена и среди офицеров императорской армии).
- 11 См.: *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М., 1992. С. 146.